

ВЕРНИТЕ НОВЕНЬКИЙ СКЕЛЕТ!

Светлана Лаврова

Верните новенький скелет!

Пре-пресс бюро «Генри Пушель»

2013

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лаврова С. А.

Верните новенький скелет! / С. А. Лаврова — Пре-пресс бюро
«Генри Пушель», 2013

ISBN 978-5-905672-09-5

Эта книга о трёх днях жизни двух обычных екатеринбургских семейств. Трёх очень необычных днях. Пропажи и погони, шантаж и любовь, тайны, загадки, и, конечно, при этом никто не думал отменять уроки. Вам придётся отправиться в простую уральскую школу, посетить несколько предметов и удостовериться, что скелет действительно пропал! Читателя прокатят на трамвае и на легковом автомобиле (маршрут проследует от центральной площади до кладбища с заездом в ДК и ветеринарную клинику), попугают призраками, зубастыми рыбами и летающими милиционерами, угостят плюшками и жареной рыбой. А главное, вы найдете друзей и вам захочется прийти в гости к счастливым героям этой очень весёлой повести. Художник Марина Богуславская. Рекомендуем книгу для семейного чтения. При плохом настроении советуем читать вслух.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-905672-09-5

© Лаврова С. А., 2013
© Пре-пресс бюро «Генри
Пушель», 2013

Содержание

К читателю	5
Часть 1	7
Глава 1. Про злую овсянку и коварную коленку	7
Глава 2. Сплошные преступления	12
Глава 3. Полёт гранаты над снежным полем	16
Глава 4. Мысли о главном	21
Глава 5. На сцену выходит шкаф	27
Глава 6. Опасная страна Япония	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Валериевна Колпакова, Светлана Аркадьевна Лаврова Верните новенький скелет!

К читателю

«Верните новенький скелет!» – невероятно смешная и занимательная история, написанная в столь любимом детьми жанре школьного детектива, – наверняка понравится не только ребятам, но и их родителям. Ведь на фоне вполне обычной школьной жизни, столь достоверно и узнаваемо представленной в книге, на её страницах происходят события поистине загадочные, разгадать которые с ходу не сможет, пожалуй, даже самый опытный читатель детективов. Тайны следуют одна за другой, оторваться от книги просто невозможно. Так же как невозможно в иных местах не хохотать до слёз, даже если эта история уже перечитана дважды или трижды. Искромётный и в то же время удивительно добрый юмор – несомненное достоинство и украшение этой книги.

Персонажи «Новенького скелета» – настоящие, живые дети со своими фантазиями и комплексами, со своими интересами и сложностями, с первыми влюблённостями и мечтами, а также взрослые – учителя и родители, остроумные, интеллигентные, относящиеся к детям с любовью, пониманием и искренним интересом. Кроме школьных учителей, родителей, детей разного возраста и странной японской рыбы в этой невероятной истории участвуют домашние питомцы – почти говорящий пёс Кошмар и кошка Картахена с поистине независимым характером.

Головокружительная погоня со спецэффектами, как в настоящем остросюжетном кино, неожиданные повороты в судьбе героев, «души прекрасные порывы» и добродушная сатира

– по мере чтения становится ясно: вся эта весёлая путаница выстраивается в очень продуманный, стройный сюжет, в котором каскад всё новых и новых приключений и тайн выливается в совершенно неожиданную, блистательно придуманную развязку. Развязку, в которой не просто побеждает добро зло – в финале книги, как обычно и водится у этих замечательных писательниц, выясняется, что противоборствующие стороны в общем и целом состоят из хороших, добрых, но, может быть, чуть увлѣкшихся людей, и добро торжествует абсолютно.

*Елена Крживицкая,
искусствовед, писатель, победитель конкурса «Рукопись года»*

Часть 1

Четверг

Глава 1. Про злую овсянку и коварную коленку

- Стася, вставай!
- Это не меня, – сквозь сон подумала Стася. – Чур, я не Стася.
- Стаська, в школу опоздаешь!
- Опять же не мне, – и Стася повернулась на другой бок. – Я не могу опоздать в школу, я только что легла... Ещё даже не заснула...
- Да вставай же!
- Стася вжалась в подушку – как будто её тут вообще нет. Растворилась.
- Меня нет, – пробормотала она. – Меня похитили инопланетяне.
- А пижаму оставили? – скептически спросила мама, тыкая пальцем в пижаму и в то, что в пижаме.
- Пижаму оставили, – сказала Стася. – Зачем им пижама, у них ног нет, одни усики.
- А ты им зачем?
- Такая хорошая Стася каждому пригодится, – и Стася, вздохнув, встала на четвереньки. Хитрая мама всё-таки её разбудила интересным разговором про инопланетян. Но сдаваться Стася не собиралась и, стоя на четвереньках, закрыла глаза. Мама потянула за ногу. Стася потеряла равновесие и снова шлёпнулась на подушку.
- Ну вот, – огорчилась мама. – Столько усилий – и опять она улеглась. Спишь?
- Сплю, – согласилась Стася и сильнее зажмурилась.
- Может, тебя пощекотать? – задумалась мама.
- Не надо, – возразила Стася. – А если будешь щекотать, то не пятку, а шейку.

Мама пощекотала шейку. Стася замурлыкала, будто она котёночек. Получилось так правдоподобно, что кошка Картахена с интересом свесилась с подоконника, где наблюдала за снегопадом.

– А Сашку ты почему не будишь? – спросила Стася у мамы. – Ты её больше любишь?

– Саше ко второму уроку, – объяснила мама. – У неё историчка заболела. А папа только к третьему уроку пойдёт. Тем более он устал в дороге.

Папа и мама работали учителями в Стасиной школе. А старшая сестра Саша работала там же ученицей в 8-м классе.

– Всё, – сказала мама. – Время кончилось.

– Вообще всё? – поинтересовалась Стася. – Конец света?

– Нет, до конца света ещё немного осталось, – утешила её мама. – А вот до начала урока...

Стася вздохнула и задом сползла с кровати.

– Тапок нет, – проворчала она, шаря босой ногой по полу. – Они по ночам разбегаются. Наверное, пасутся. Или охотятся.

– Ты глаза-то открой, сразу тапочки отыщутся, – посоветовала мама. Но Стася отказалась открыть глаза, потому что свет их резал. Она нащупала-таки тапки и, поддерживая сползающие штаны, поплелась в туалет.

У неё были очень непослушные пижамные штаны, чуть потеряешь бдительность – и они свалятся. Потому что у Стасй была очень худая талия. И все остальное тоже худое. У всех взрослых при виде Стаськи возникало острое желание накормить её побольше, чтобы не видеть этих торчащих рёбер. Стася этим всегда пользовалась, потому что аппетит у неё был хороший на всё, кроме овсянки, а худая она была из вредности, как говорила мама.

Итак, Стася стояла в ванной и задумчиво мазала лицо водой. «И зачем придумали это умывание, – ворчала она, – намокаешь-намокаешь, а потом опять всё вытирать приходится. И зубов у человека тоже слишком много, пока все их вычистишь – замаешься. А потом зубы мудрости вырастут и их ещё больше станет. Кошмар!»

– Стася, ты не утонула? – в ванную заглянула мама.

– Нет ещё, – сказала Стася. – Но если ты будешь меня всё время поднимать в такую рань, я вообще утоплюсь. Ещё, наверное, полночь.

– Не утопишься, – возразила мама. – У нас восьмой этаж, напор воды очень плохой, еле капает. Пошли на кухню, каша стынет.

– Какая каша? – уточнила Стася.

– Овсяная! – с деланным энтузиазмом сообщила мама.

– Ты вообще меня не любишь! – возмутилась Стася. – Будишь в полночь, кормишь овсянкой... Лучше пристрели сразу, чтобы не мучилась.

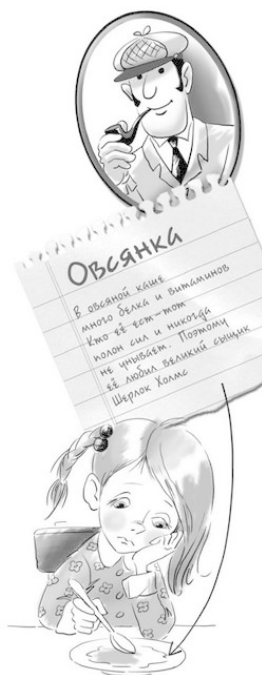
И поползла на кухню. Овсянка растекалась по тарелке и мерзко хихикала.

– Ты знаешь, что такое садизм? – спросила образованная первоклассница Стася. – Это когда издеваются над ребёнком и заставляют есть овсяную кашу. Лучше бы шоколаду дала. Мать называется.

– Садизм – это заставлять бедную меня каждое утро тебя будить и заплетать косички, – вздохнула мама, расчёсывая Стаськины лохмы. – Ну что ты творишь с бедной кашей, зачем ты её размазываешь по тарелке? И стол весь в каше...

– Она горячая, – сказала Стася. И ещё я на ней ложкой цветочки нарисовала. Для красоты.

Хотя овсянку цветочками не исправишь...

– Совершенно холодная каша, – возразила мама.

– Тогда её надо подогреть, – обрадовалась Стася. – От холодной каши у меня горло заболит. Видишь, с краю в каше сосулька? Ага, и инеем покрылась...

– Всё, – угрожающе сказала мама. – Терпение моё кончилось. Принимаю репрессивные меры.

Но Стася не испугалась.

Когда мама говорила, что терпение кончилось, это значит, его ещё немного осталось. У мамы была уйма терпения, целые залежи. А «репрессивные меры» – это было что-то непонятное и поэтому нестрашное.

– Ешь скорее! – сердито сказала мама. Стася вздохнула и отправила в рот первую ложку.

– Стася, правда опоздаем, – и мама завязала на косичке бант.

Вообще-то времени действительно было много, а опаздывать Стася не любила. Поэтому она поднажала, запихнула всю кашу в рот и с набитыми щеками пошла одеваться. Жевать таким полным ртом было невозможно, и Стася надеялась, что овсянка как-нибудь сама рассосётся. Но вредная каша не рассасывалась. Стася начала надевать блузку. Ворот был тесный, и раздутые кашей щёки в него не пролазили. Застрявшая Стася растерялась, положение казалось безвыходным.

– Скорее, – торопила мама, тоже одевавшаяся в соседней комнате.

Стасе пришла в голову гениальная идея. Она сбегала в ванную и выплюнула кашу, потом быстренько пропихнула её в раковину и смыла из крана – чтоб никто не догадался.

– Ты куда бегала? – подозрительно спросила мама.

– Умываться, – пояснила Стася, глядя на маму невинными глазами. – А то я как-то недоумывалась.

– Странно, – пожала плечами мама. – Непохоже на тебя. Ну, ты готова? Пошли.

Стаська вздохнула. Где-то в чемоданах лежали японские подарки, которые поздно ночью привёз папа. Лежат, бедные, совсем нераспакованные. И Стасе приходится бросать их на произвол судьбы.

Школа была далеко – три остановки на автобусе. Стася с мамой втиснулись в автобус и привычно расплющились между пассажирами. Стасе всегда было немного страшно – а вдруг её насовсем раздавят? Пассажиры были большие, а Стаська на их фоне мелкая, как таракан. Она задрала голову – стоишь, словно в колодце, а над ней возвышаются уходящие в бесконечность мужчины и женщины, и их головы маячат где-то высоко-высоко, на уровне небоскрёбов.

Пальто, в которое Стася уткнулась носом, было колючее и противно пахло табаком, и Стася завертелась вокруг своей оси, чтобы уткнуться в какую-нибудь более мягкую шубу. Кто-то охнул – это Стася при повороте контузила его ранцем. Но ругаться не стали. Хорошо, а то некоторые ругались и убеждали Стасю, что это потому в автобусе так тесно, что она много места занимает.

Потом у Стаси зачесалась коленка. Наклониться и почесать её не было никакой возможности, поэтому Стася попыталась потереть коленку обо что-нибудь твёрдое. Но вокруг всё было мягкое. Стася заёрзала, дёргая ногой.

– Не лягайся, – сказала мама. – Я и так еле стою на одной ноге.

– Почеси мне коленку, – попросила Стася. – Вон ту, что около тебя.

Мама тоже не могла нагнуться и попыталась почесать своей коленкой Стасину.

– Ой, – сказала она. – По-моему, это не твоя коленка. Извините, я кого-то почесала.

Но никто не признался. А у Стаси зачесалось под лопаткой, но сразу перестало, как только ей на голову поставили чью-то сумку.

– Осторожно! – сказала мама. – Там ребёнок.

– Где? – удивилась тётенька с сумкой.

– Внизу, – пояснила мама. – Под вашей сумкой.

– А зачем вы его туда засунули? – возмутилась тётя. – Он мне мешает.

– Мне иногда тоже, – вздохнула мама и спасла Стасю из-под сумки.

Тётя хотела ещё что-то сказать, но мама ввинтилась в толпу, грозно спрашивая всех: «Вы выходите? Вы выходите?» Стаську она тащила за собой, и та каждый раз боялась, что рука оторвётся и Стася на всю жизнь останется в автобусе. Но рука была крепко прицеплена, и через минуту мама и Стася вываливались на волю.

– Уф! – сказала мама. – Свобода!

– Сколько сегодня пуговиц оторвали? – поинтересовалась Стася.

– Всего одну, – проверила мама.

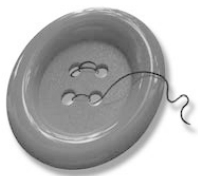
– Не густо, – сказала Стася. – Вчера больше было.

И они пошли в школу по узкой заснеженной тропинке, время от времени сползая в кювет.

Школу Стася любила. Потому что после утреннего автобуса школа воспринималась просто как рай. Там было не так тесно и ругались гораздо меньше.

Стася зашла в вестибюль. Пристроилась на свободную скамейку снимать всякие штаны-кофты-валенки. Это был очень длинный и сложный процесс, но по сравнению с автобусом опять же одно удовольствие. Мама ей не помогала из педагогических соображений, а сразу пошла в учительскую раздеваться. Наконец расправившись с одеждой, Стася отправилась вешать шубу и мешок со сменной обувью в гардероб.

Всё шло как всегда. Никаких приключений не предвиделось.

Глава 2. Сплошные преступления

Кого инопланетяне ни за что бы не похитили, так это хозяйку квартиры двадцать три, школьную уборщицу Клару Никифоровну. Уж она всё время была начеку, закрывала квартиру на три замка, располагала у кровати икону со святой Кларой, пирамидку из шунгита и вырезку из газеты «Народный целитель» с заговором от внеземного разума. Заговор честно предупреждал, что у непрошенных инопланетян, если что – «щупальца одеременеют, антенны окаменеют, усики отвалятся». К тому же школьный завхоз обещал отдать уборщице телескоп, который давно пора было списать. Так что Клара Никифоровна не оставляла инопланетянам даже шанса приблизиться к окраинам её квартиры.

Другое дело – земная мафия. Здесь нужна защита понадежнее. Поэтому хозяйка квартиры двадцать три держала недалеко от двери топор, а на подоконнике – «Уголовный кодекс».

Утро Клары Никифоровны начиналось с включения телевизора. Святая Клара – покровительница телевидения – одобрительно кивала с иконы и вводила тётку в курс мирских дел.

Эфир открывала любимая передача школьной уборщицы – утренняя «Криминальная хроника». Красивый, но грустный диктор пялился в ноутбук, выбирая новости погорячее.

– Ну, что там опять случилось? – спросила старушка, прибирая волосы в пучок. – Надулся-то, надулся, как мышь на крупу. Не нравится такую программу вести – веди «Поле чудес».

Диктор внимательно выслушал телезрительницу и ответил:

– Президент подписал указ о введении в школьную программу ежедневных уроков физической культуры. Все дети страны вскоре станут здоровыми, ловкими и спортивными. Результатом этого будут новые мировые рекорды. Президент уже в ближайшее время ждёт от учителей физкультуры отчётов о проделанной работе.

Клара Никифоровна покачала головой:

– Дожили. Теперь каждый день в спортзале пол мыть! Сначала найдите здоровых, ловких и спортивных уборщиц, а потом уже подписывайте указы! Я им отчитаюсь о работе! Я им так отчитаюсь!

Уборщица сделала несколько неторопливых упражнений, разработанных знахарем-огородником Падальцем для восстановления баланса между третьим глазом и седалищным нервом.

Диктор дождался восстановления баланса и продолжил радовать телезрительницу новостями.

– Зарубежная хроника. Кража четырёх редких драгоценных камней в Токийском музее современного искусства имеет все шансы попасть в крупнейшие преступления века. Коллекционер Котокото, хозяин музея, сообщает, что уникальность камней в их редкой, необъяснимой с научной точки зрения, расцветке. Нигде в мире больше нет золотого алмаза, чёрного рубина, зелёного сапфира и розового изумруда. Японская полиция исключает провоз камней за пределы страны благодаря усилению таможенного контроля. Уральские рудознатцы, которых мы попросили прокомментировать событие, высказали подозрение о неправильной идентификации самоцветов...

– Тьфу, – сказала на это Клара Никифоровна. – Век без алмазов-рубинов жили и ещё столько проживём. Это только мафиози без них не могут. Будто питаются они драгоценностями. Вот словно жрут они их с утра до вечера, чтоб у них заворот кишок случился!

Старушка включила чайник, достала из пакета вчерашнюю булочку, аккуратно разрезала её посередине и намазала маслом.

– Да сейчас этих контрабандистов как собак нерезаных, – пробормотала она и, потеряв нить беседы с телеведущим, продолжила: – Кстати о собаках. Вот в двадцать четвёртой, у Лапшовых, зверюга с телёнка размером. И имя такое выдумали... Караул, что ли. Или Кошемир? Наверное, есть чем кормить такую псину-то. Так сумками ей жратву и таскают. Воруют на работе, наверное. О-хо-хо.

Клара Никифоровна выключила чайник и услышала, как за стеной, в квартире двадцать два, прозвенел будильник.

– Ага. Проснулись. Интересно, кисло-пресно.
По Япониям ездят, а потом спят до 7 утра. Старшая-то у них сдобная девка, здоровенная.

А младшую замучили вусмерть. Да с таким именем разве можно нормальную жизнь налаживать? Стаська. Карась какой-то. Нет чтобы по-человечески назвать. Сейчас такие имена красивые есть, древнерусские. Вот, в газетке где-то было... Ага, нашла: «Неждан, Боян, Урода...»

Уборщица с негодованием отбросила газету, смела со стола крошки и отправилась на работу, не забыв заглянуть в почтовые ящики соседей. Ей уже давно никто не писал.

В сергеевском ящике под номером двадцать два лежал листочек. Старушка ловко подцепила его за уголок и вытащила наружу.

«Верни не твои. Иначе будет потом», – развернув страницу, прочитала Клара Никифорова и испуганно посмотрела по сторонам. Подъехал лифт. Любопытная старушка поспешно засунула записку себе в сумку. «Вечером отдам, – трясась в автобусе, подумала она. – Везде мафия! Тоже воруют! И в нашей школе тоже мафия. Как пить дать, Андрей Викторович что-то из школы утащил!»

Глава 3. Полёт гранаты над снежным полем

В квартире номер двадцать четыре – напротив той, где жили Сергеевы (папа Андрей Викторович, мама Елена Николаевна, не украденная инопланетянами первоклассница Стася, её старшая сестра восьмиклассница Саша и кошка Картахена), и рядом с той, где жила школьная уборщица Клара Никифоровна, – бабушка Лидия Семёновна доваривала манную кашу.

Даша любила манку. Любили её и все Дашины игрушки. Готовая к тому, что игрушки будут завтракать с Дашей, Лидия Семёновна расстелила по кухонному полу газеты и сняла со стола чистую скатерть. Затем укутала кастрюльку с готовой кашей вафельным полотенцем, поджарила тосты и налила себе кофе. Наслаждаясь последними минутами тишины и покоя перед тяжёлым рабочим днём, она не спеша обмакнула тост в кофе и поднесла ко рту.

– Куда? – раздалось из-под стола.

Бабушка, вздохнув, протянула сухарик огромному псу по имени Кошмар.

– Избаловали, – сказала бабушка и, помолчав, добавила: – Да ведь и тебе сейчас нелегко.

Кошмар откусил кусочек, похрустел, а остаток припрятал за батареей. Для Даши. Огромный, похожий на леонбергера пёс считал её своим приёмным ребёнком, особенно теперь, когда мамы и папы Лапшовых дома не было.

Кошмар первый слышал, как просыпается Даша, и мчался в её комнату. Затем он хватал девочку за ночную рубашку и нёс в ванную. Умывалась Даша сама. Она вообще была самостоятельным ребёнком. Сама чистила зубы. Сначала себе, затем Кошмару. Ивановой зубной щёткой. Сама вытирала мокрую мордашку о лохматый Кошмаров загривок. Затем подставляла волосёнки Кошмару для вылизывания и аккуратно расчёсывала пса сапожной щёткой. Сама вываливала игрушки из ящика, рассаживала на кухне и кормила их кашей.

Особенно плохо ел воздушный шарик.

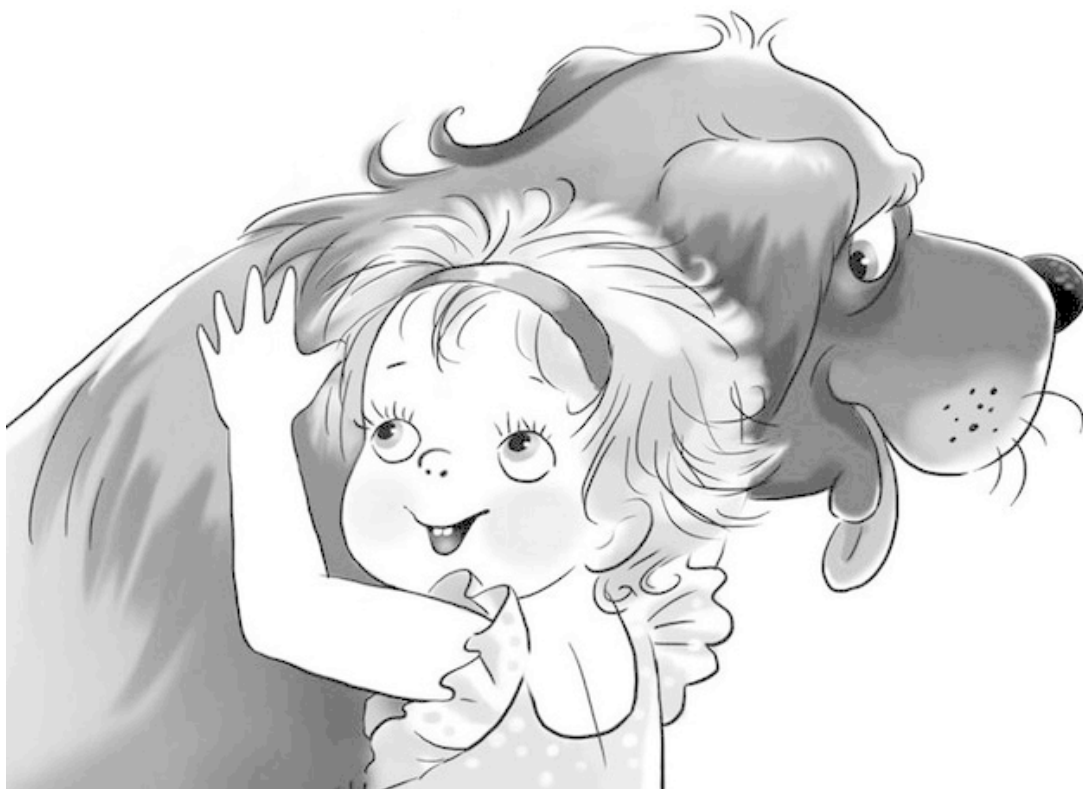
– Ты что? Похудеешь, сдуешься, ам-ам, – Даша сердилась на него и тыкала пимпочкой в тарелку. – Что ели? Кашку! Что пили? Бражку...

Переделав все свои дела, Даша бралась за дела старшего брата Ивана. Проверяла, не забыл ли он чего положить в портфель. Обнаруживала обычно нехватку таких необходимых в шестом классе вещей, как кукольное платьишко, открытый пакетик яблочного сока, горсточка собачьего сухого корма. Даша исправляла промах, выкидывая часть тетрадок.

Иван свой школьный рюкзак старательно прятал, но верный Дашин друг Кошмар всегда находил его и приносил хозяйке.

Это было маленькое предательство со стороны пса. Ведь год назад его нашёл на улице и принёс домой именно Иван. Тогда Кошмар был ещё без имени, и слабое его тьяканье больше походило на «Куда?».

– Мам, это леонбергер. Настоящий, – представил Иван щенка. – Очень породистый. Он потерялся.

Мама хорошо разбиралась в собаках и согласилась:

– Очень породистый. В нём сразу пород восемь. Или девять.

– Мам, это леонбергер, он говорящий, – настаивал Иван, думая, что породистую говорящую собаку выгнать из дома жалче, чем дворнягу.

– Это не леонбергер. Это кошмар, – ответила мама, но оставить щенка позволила.

Хлопнула дверь двадцать второй квартиры. Это мама и Стася Сергеевы поехали в школу.

– Дарёнка, Кошмарик, идите Ванечку будить, – крикнула бабушка, закончив уборку в кухне. – Ему сегодня ко второму уроку.

Даша забралась на Кошмара, и они поскакали будить Ивана. У соседей снизу закачалась люстра.

– Ванечка! – залепетала Даша, усевшись брату на голову. – Ваня утром встаёт! Ваня песню поёт! Потягушечки! Порастушечки!

– Повешалочки мне от вас, – пробубнил старший братец, досматривая, как физрук Олег Эдуардович Бладт заставляет Сашу Сергееву метать гранату. И не куда-нибудь, а в самого Ивана. «Попадёшь – поедешь на соревнование в Париж», – пообещал физрук Сергеевой. Недобрый взгляд был у Сергеевой. Иван поспешил проснуться. Трудно досматривать сон с Кошмаром, пытавшимся забраться на кровать и сесть рядом с Дашей.

– Хорошо вам, – бормотал Иван, натягивая штаны. – В школу не ходите, никто в вас гранаты не метает. Детство босоное. Лю-ли, лю-ли, прилетали гули...

Даша и Кошмаром с сочувствием вздохнули: Ивана было жалко. Им-то с бабушкой жилось привольно. Бабушка быстро бегать не умела, под стол не помещалась, и разбойник из неё был добренький.

Даша с Кошмаром могли играть так, как им нравилось. Например, грызть один сухарь на двоих, тихонько чего-нибудь рвать, выковыривать, разрисовывать, спрятавшись за шторкой или под столом.

Иван поплёлся в туалет. Его сопровождали, как два верных стража, Дарья и Кошмар. Шестиклассник остановился перед унитазом. Девочка и пёс, просунув головы в дверной проём, внимательно смотрели, что будет дальше.

– Бабушка! – завопил Иван. – Они опять подглядывают!

– Ай-яй-яй! – несерьёзно возмутилась бабушка. – Надо, наконец, щеколду прибить. Повыше, чтобы Дарья случайно не закрылась.

– Даша на стул встанет, – чистосердечно призналась двухлетняя Даша.

Бабушка брякнула коробкой с сухим кормом, и Кошмар стрелой помчался на кухню. Девочка постояла ещё минуту и, не дождавшись ничего интересного, прикрыла дверь.

Иван пошарил под ванной, убедился, что тетрадь с надписью «Приключения Ивана Лапшова. Секретные материалы» на месте, и только после этого умылся, причёсался, покормил рыбок и стрескал целую тарелку каши с хлебом.

– Ты сейчас растёшь, тебе много кушать надо, – радовалась бабушка, потрепав худого и мелковатого внука по рыжим волосам. – Я тебе в школу бутерброд сделаю. Большой.

Иван долго копался в прихожей, время от времени поглядывая в глазок.

Бабушка заворачивала внуку двухэтажный бутерброд с колбасой.

Даша с Кошмаром сидели на пуфике. Точнее, сидела Даша и одна Кошмарова лапа. Младшая сестрёнка караулила, когда Иван пойдёт в школу, и готовилась зареветь. Кошмар вздыхал в сторону бутерброда и ждал, когда Даша заревёт, чтобы начать слизывать слёзы. А Иван ждал, когда снова откроется дверь под номером двадцать два.

Наконец всё это свершилось, Саша вышла из квартиры. Иван Лапшов схватил рюкзак, махнул домочадцам и припустил следом.

– Санька, привет! Прикинь, ты мне сегодня снилась. – Лапшов старался не идти слишком близко: соседка была не просто старше на два года, но и выше на полголовы.

– Сон, Лапша, – есть жизнь, – непонятно ответила начитанная Александра.

– Ну да, – кивнул Иван. – Вы вместе с Бладтом очень жизненно в меня гранату метали. Не знаешь, к чему физруки и гранаты снятся?

– К перемене расписания, – фыркнула Саша. – Или ты поменьше, Лапша Варёная, триллеров и боевиков смотри, не будут кошмары сниться.

– Да не такой уж Бладт и страшный. Или ты... о себе? – съязвил в ответ Иван и получил портфелем по спине.

– Ещё одно слово, и я уже в реале в тебя гранату кину, – предупредила Саша, прибавив шаг.

Иван вздохнул и не нашёл, что ответить. Рядом с ней он заметно глупел. Конечно, не до такой степени, чтобы тащить её рюкзак и плестись в хвосте до самой школы. Но до такой, чтобы пробормотать:

– Ладно, хихикай. Скоро не до смеха будет.

– Чего так? – удивилась соседка.

– Потом узнаешь, – таинственно ответил Иван и побежал догонять автобус. В рюкзаке брякал «Чаппи».

Александра хмыкнула и тут же забыла про мелкого ухажёра. Другие, светлые и прекрасные мечты занимали её белокурую голову всю дорогу до школы.

Глава 4. Мысли о главном

Саша задумчиво глядела на классную доску. Там клубились синусы и косинусы, но Сашины мысли были от них далеки. Она думала, что уже декабрь, пора готовиться к весне. Весной Саша обычно влюблялась, и надо было загодя придумать, в кого влюбиться в этот раз. Собственно, у Саши уже было три кандидата: певец Басков, девятиклассник Денис и учитель физкультуры Олег Эдуардович.

Баскова она отвергла ещё на уроке химии. Он, конечно, Саше нравился, но в певцов влюбляются такие толпы девчонок, что аж противно. К тому же Саша прочитала в газете, что он недавно опять женился, а Саша была порядочным человеком и в женатых принципиально не влюблялась.

Над кандидатурой Дениса она размышляла полхимии, всю перемену и начало алгебры. Вообще-то он был ничего, и даже один раз пригласил Сашу в «Баскин Роббинс», хоть она и не пошла. Но у Дениса было два недостатка: во-первых, он был брюнет, а Саша больше одобряла блондинов. Если честно, ей было всё равно, какие у кого волосы, хоть зелёные, но её любимая писательница Иоанна Хмелевская предпочитала блондинов, и Саша брала с неё пример. Во-вторых, Денис всё время ходил в жутко скрипучей болоньевой куртке, и от этого звука Саша была вся в мурашках. Так что пришлось (не без сожаления) отвергнуть и Дениса.

Остался Олег Эдуардович. Он нравился Саше меньше, чем два предыдущих объекта, хотя бы потому, что был учитель, а влюбляться в учителя, по Сашиному мнению, было как-то пошло. Зато блондин, никакая Хмелевская не придерётся. Высокий, накачанный. В голубых глазах – не без интеллекта.

И, наверное, молодой, потому что в школе работал всего второй год. К тому же фамилия физрука была Бладт, и она приятно напоминала Саше капитана Блада из романа Сабатини. Два года назад, когда Саша была ещё маленькая и глупая, она почти всерьёз влюбилась в этого самого капитана, даром что он придуманный. Теперь Саша стала большая и прочитала

много фантастических романов про перемещения во времени. Поэтому вполне закономерно, что она подумала: «А вдруг того самого капитана Блада переместили в наше время и замаскировали под физрука? Чтобы он сражался с мафией, например, или спас мир от атомной войны». Конечно, она не всерьёз так подумала, а просто чтобы интереснее было влюбляться. Саша всегда немного корректировала своих избранников, улучшая их биографию. Например, если бы она выбрала для влюбления девятиклассника Дениса, то придумала бы ему трагически пропавшую при барселонском землетрясении младшую сестру, которая поехала в Испанию искать золото Монтесумы (который был её прапрапрапрадедушка), причём это золото спёр у покойного Монтесумы и привёз в Испанию лучший друг Кортеса, который был прапрапрапрадедушкой самой Саши. С такими добавлениями и исправлениями Сашины ежевесенние любви всегда были очень занимательными, и им ничуть не вредил трагический оттенок безответности.

Но капитан Блад, конечно, был интереснее, чем младшая сестра, поэтому Саша окончательно решила влюбиться в физрука.

«Лучше б он что-нибудь другое преподавал, – подумала Саша. – Не люблю я физру. Но никуда не денешься, придётся полюбить».

Для начала Саша решила делать по утрам зарядку. А там видно будет, как любовь пойдёт.

В то же самое время, на этом же самом уроке, но этажом ниже Стася занималась расследованием преступления. Дело было в том, что у неё пропал красный карандаш. Стася не сомневалась в том, что он был злодейски похищен. Под подозрение попали трое: Стасин сосед Никита, учительница Анна Михайловна и домовый Барабашка.

Никита шёпотом дал честное слово, что он карандаш не брал и у него дома есть сто двадцать точно таких же (то есть отпадал мотив преступления).

Анна Михайловна была очень хорошим человеком и скорее бы сама подарила Стаске карандаш, чем взяла бы его без спроса (то есть нарушалась психология преступления). А насчёт домового Стася вообще не была уверена, есть ли он в школе. В доме-то, понятно, есть, на то и домовый, но школа же не дом. Или дом? И как он тут называется? Не домовый, а школьный? Или учебный? В разгар сомнений Анна Михайловна спросила, сколько будет восемь плюс три, и Стасе пришлось мобилизовать весь свой могучий интеллект на решение этой сложной задачи. У Стасй получилось двенадцать, а у всего класса почему-то одиннадцать, но Стася не огорчилась. Она однажды подслушала, что мама сказала папе: «У Стасй нестандартное мышление. Необычное, не такое, как у всех». «У меня двенадцать получилось, потому что я необычная и нестандартная, – подумала Стася. – Двенадцать ведь лучше, чем одиннадцать, – больше. Двенадцать называется дюжина. А одиннадцать никак не называется. Поэтому я права. Как всегда».

В это же самое время на этом же этаже, но в другом кабинете Иван строил планы, никак с процессом обучения не связанные: «Главное – привлечь внимание и заставить себя уважать. Чтобы не думала, что я малявка, лапша варёная. Например, можно попробовать поднять шкаф с книгами, чтобы видела, какой я сильный. Да, но мы же в разных классах учимся. Это что же – зайду я в её класс и ни с того ни с сего схвачу шкаф... Ещё за вора примут, который мебель крадёт. А если прийти в гости и поднять шкаф у них дома? Нет, у них старинный, огромный, деревянный, не осилю.

Или можно стать лучшим учеником школы. Лучше страны. Вызывает меня министр... нет, президент России и говорит... Да, но он же меня вызывает, а не её. Вот если бы он ЕЁ вызвал и про меня рассказал, что я самый умный и храбрый... Нет, лучше по-другому доказать,

что я храбрый. Спрыгнуть со второго этажа. Нет, со второго низко. Лучше с пятого. Нет, с пятого неразумно. Она, конечно, упадёт на мой холодный труп, орошая слезами... А может, и не упадёт – падать будет не на что, расшибусь в лепёшку. Лучше её спасти от... от бандитов. Напал на неё бандит... Старо...

Может, что-то менее примитивное. Поразить чтением мыслей на расстоянии. Или прохождением через стену. Или сказать, что я могу привидений видеть... Привидений, конечно, не бывает. А вдруг ОНА думает, что бывает? О! А если спасти её от привидения... Например, вампир. Вампир в тёмном подъезде...

– Лапшов, о чём ты задумался? – сказала учительница. – Ну-ка приведи нам пример предложения с деепричастным оборотом.

– Вампир в тёмном подъезде... – по инерции произнёс Иван.

Класс замер.

– Что? – переспросила учительница.

– Вампир в тёмном подъезде тихо подкрался к ней сзади и вонзил окровавленные клыки...

– Куда? – спросила потрясённая Лена Широнина, соседка по парте.

– Уж куда вонзил, туда вонзил, – недовольно сказал Иван. – Не перебивай, Широнина. На чём я остановился?

– На «вонзил клыки», – подсказали сбоку.

– Ага... И вонзил окровавленные клыки, ибо полная луна уже оказала на него своё магическое влияние, и он нервно облизал растрескавшиеся губы и сделал первый глоток тёплой крови... – тут Иван вспомнил про деепричастный оборот и закончил:

– Грустно вздыхая.

– Чего уж теперь вздыхать, – произнёс с последней парты Валька Тимофеев, хронический двоечник, но добрый человек. – Замочил гёрлу, ещё и вздыхает, гад.

– Он раскаивается, – вступился Иван за вампира. – Он же не нарочно вампир, ему... э-э-э... пересадили костный мозг, облучённый в полнолуние, и он просто не может иначе, хотя по утрам он всех загрызенных очень жалеет...

И добавил, опять вспомнив про деепричастный оборот:

– Страдая от укоров совести.

– Да, – подытожила Марина Михайловна. – Необычная у тебя точка зрения на деепричастный оборот, Лапшов. Садись, пять.

В это же самое время папа Саши и Стасй, Андрей Викторович, прошёл по родному кабинету биологии, любовно оглядывая экспонаты на полках. Седьмой «А» сняли на прививку, и урок был свободным.

«Вот этот аквариум целиком отдам ей, – думал он. – Только бы всё было хорошо... Ну почему я нервничаю? Я дома, в родном городе, всё прошло благополучно. Никто и не думал, что... Это из-за дороги. За мной следили. Но кому это надо? Зачем? Глупости. Всё нервы. Устал...»

В это же самое время этажом выше мама Саши и Стасй, Елена Николаевна, вела урок литературы. Она проверяла, как выучил шестой «В» стихотворение Пушкина «Буря мглою небо кроет...».

– Буря мглою небо кроет... – вдохновенно вещал уже двенадцатый ученик.

«Актуальная фраза, – подумала мама, взглянув в окно. Там падал жидкий и какой-то неубедительный снежок. – Скорее бы весна, что ли. Лучше лето. Или хотя бы выходной».

И вызвала двоечника Чудоделова. Чудоделов обычно учил первую строку стихотворения, а всё остальное добавлял от себя. Елена Николаевна старалась вызывать его самым последним, чтобы не нарушал в классе деловое настроение. Но сейчас ей так опротивели «бури мглою», что хотелось развлечься.

– Буря мглою небо кроет, – бойко начал Чудоделов, потом запнулся и продолжил: – Нас директор матом кроет. Выпьем, бедная старушка, наливай скорее кружку, что-то кровля обветшала, на ремонт же денег мало, как дитя там кто-то плачет, щас он по башке получит....

– Ну и плохо, Чудоделов, – сказала мама. – Что это за рифма: «кроет – кроет», «плачет – получит». «Однажды в студёную зимнюю пору» у тебя лучше получилось.

– Так ведь Пушкин, Елена Николаевна, – развёл руками Чудоделов. – Его трудно портить. Уж на что я специалист...

– Тогда двойка, – пожала плечами мама и взглянула на часы: когда уж кончится этот бесконечный урок.

– За что? – привычно возмутился Чудоделов.

– За некачественную порчу Пушкина, – сказала мама. – Ничего в тебе святого нет, Чудоделов, никого ты не уважаешь...

– Я вас уважаю, – сказал Чудоделов. – А Пушкина даже где-то люблю.

– Сомнительно что-то, – пожала плечами мама. – Степанова, к доске.

И подумала: «Интересно, а что в это время делают Саша, Стася и папа?»

Глава 5. На сцену выходит шкаф

Бабушка надела на Кошмара ошейник и открыла дверь.

– Недолго, – предупредила она.

Пёс махнул хвостом в знак согласия и приготовился сделать маленькое землетрясение, скача на первый этаж, как вдруг учуял возле мусоропровода незнакомый запах. Отложив прогулку, пёс принялся.

Чужой гражданин в лёгком не по сезону пальто поёжился. Пахло от него не просто чужим, а чем-то иностранным.

– Иди, иди давай, – с акцентом сказал незнакомец Кошмару.

– Куда? – спросил пёс.

– Да куда шёл, – ответил он и икнул, осознав, что говорит с собакой.

Кошмар сел у дверей и принялся делать вид, что выискивает блох. Ещё не хватало, чтобы какой-то чужак им командовал.

Незнакомец тоже нервно почесался и нетерпеливо переступил. Пёс с деланным равнодушием отвернулся.

Незнакомец, покосившись на огромного говорящего пса, пробормотал что-то типа: «В этой России жуткие снега и ужасные собаки!», подошёл к двери Сергеевых и тихо открыл её. Пёс удивился. Он точно знал: кроме Картахены, дома в это время никого нет.

Взломщик аккуратно прикрыл за собой дверь. Но замок не защёлкнул. Кошмар подкрался поближе. Услышав, как зашипела любимая подруга Картахена, Кошмар ударил лапой по двери и забежал в двадцать вторую квартиру.

– Куда... Кудасай?!. – удивлённо начал фразу незнакомец, желая вежливо попросить собаку выйти, но не смог договорить. Пёс смотрел на него глазами инугами¹. На самом деле Кошмар просто опешил и даже приготовился спросить: «А ты сам куда?», но в последний момент раздумал тратить время на разговор. Он просто грозно зарычал, оттесняя ворюгу от двери внутрь квартиры. Довольная Картахена сидела на пуфике, скрестив лапки, и любовалась героем-соседом, время от времени одобрительно шипя.

– Мне надо... Тут всего одну вещичка, – попробовал пойти на переговоры незнакомец. – Потому что она – моя. Мне без неё банзай.

¹ Японский пёс-призрак.

– Рр-гав, – ответил Кошмар, что однозначно обозначало: хозяева придут и разберутся.

– Мя-я, – предупредила соседа Картахена. Это значило, что главное – не пускать его в кухню, где за батареей лежит одна запасная Картахенова рыбная котлетка, которую она приберегла для Кошмара. Пожалуй, больше никаких драгоценностей в квартире Сергеевых не было. Ну разве что старинный шкаф с двумя отделениями (для каждого отделения свой ключ) и огромным ящиком для белья. Его делали из настоящего дерева, а не из фанеры, оклеенной «под орех».

В принципе, если поставить этот шкаф на гусеницы и приладить пушку, то вполне можно его использовать как танк. Но Сергеевым танк был не нужен, а шкаф – в самый раз. Правда, левую дверцу время от времени заклинивало, поэтому в шкафу хранили не очень нужные вещи – старые одежды, которые жаль выбросить, посуду, летом – зимние вещи, а зимой – летние.

– Когда нам будет нечем платить за квартиру, мы сможем жить в шкафу, – говорила мама. Наверное, по этой причине шкаф и не продавали, хоть занимал он много места.

Кошмар, вдохновлённый котлеткой, медленно оттеснил незнакомца в комнату и заставил прижаться к шкафу спиной. «Чего же с ним дальше делать? – подумал пёс. – Укусить? Противно, он же ни капельки не обжаренный и не хрустящий. Загнать на шкаф? Картахена может оскорбиться, она сама любит полёживать под самым потолком и наблюдать за хозяевами».

– Кошмар! Кошмар! – раздалось на лестничной площадке.

Взломщик в тонком пальто вздрогнул и лихорадочно бросился открывать дверку шкафа.

– Кошмар! – повторились призывы прямо у дверей Сергеевых. Незнакомец наконец нырнул внутрь, дверца с треском захлопнулась. Кошмар с благодарностью принял от Картахены котлетку и побежал на бабушкин зов.

Пёс вышел из квартиры двадцать два, за ним звонко щёлкнул дверной замок. Лидия Семёновна удивилась.

– Может, у Андрея Викторовича уроков нет? – пожала она плечами и нажала на звонок. Никто не открыл.

– Ну не кошка же тебя впустила? И выпустила? – спросила Кошмара бабушка.

– Куда? – только и ответил пёс.

Глава 6. Опасная страна Япония

Вечером всё семейство Сергеевых ужинало и делилось впечатлениями дня. Вообще-то делился в основном папа, потому что у мамы только и было новостей, что опять заклинило дверцу шкафа да перегорела лампочка в ванной. Зато папа только вчера поздно вечером прилетел из Японии, и ему там присудили звание «Учитель года».

Стаська так и не поняла толком, чем это папа так прославился, но по её разумению выходило, что на открытом уроке про эволюцию папа продемонстрировал потрясённой комиссии департамента образования, как обезьяна превратилась в человека. Прямо взял и превратил «для наглядности». Комиссия сразу решила, что лучше папы в России нет учителя, и отправила его в Японию на какой-то симпозиум. Японцам папа тоже понравился. Но там был один вредный японец Кусука, он сказал прямо с трибуны, что если бы уважаемый Сергеев-сан на уроке биологии успел превратить амёбу в человека по всем стадиям, включая динозавра, – вот тогда да, это было бы воспитательно и педагогично. А из обезьяны в человека каждый дурак сможет. Японцы послушались этого завистливого Кусуку и самый главный приз папе не дали. Но звание «Учитель года» присвоили и вручили ценный подарок для кабинета биологии – живую рыбу с японским названием Кукуреку. Может, Стаська чего и не так поняла, она эволюции ещё не проходила. Но вот она, рыба Кукурека, в термосе, её папа ещё не отнёс в школу. Потому что утром чуть не проспал и не успел.

– Это потрясающая рыба, – захлёбываясь картошкой, рассказывал папа. – Их в Японии всего 16 штук осталось. Она...

– А почему же её тебе подарили, раз такая редкость? – спросила мама. – Пусть бы жила с товарищами, размножалась...

– Она уже отразмножалась, – сказал папа. – Старенькая уже, пенсионерка, можно сказать.

– Безобразие, – возмутилась мама. – В её возрасте такая перемена климата... Издевательство над старушкой.

– Да ничего, мы её как королеву устроим, в отдельном аквариуме, – возразил папа. – Она знаменита тем, что...

– Да бог с ней, с рыбой, ты лучше про Японию расскажи, – отмахнулась мама. – Как ты там общался, ты же японский язык не знаешь.

Папа возразил, что он знает по-японски два слова: «икебана» и «банзай», и прекрасно ими обошёлся. Главное – интонация. А если было трудно, то папа ещё добавлял «вай мэ». Это на каком-то кавказском языке вроде грузинского. Японцы думали, что это по-русски, а русские – что по-японски. И все были довольны. Особенно папа.

– А рыбу должны были подарить какому-то другому учителю, из Китая. Суй Дай его зовут, он очень передовой, уроки зоологии проводил прямо в море, среди акул.

– Я бы тоже хотела в море, – вздохнула мама. – Но акулы – это лишнее.

– Но Суй Дай не пришёл на вручение призов, ходили слухи, что у него недоразумение с акулой. И рыба досталась мне, – сказал папа. – Как я с ней домой добирался, это отдельный рассказ. Запихал её в термос, поехал в аэропорт... И всё время какие-то несурезицы случались. Такси, на котором я ехал, чуть не торпедировал какой-то идиот на «Волге».

– Какая «Волга», это же Япония! – удивилась Саша.

– Старая «Волга» – очень прочная машина, прямо танк, – объяснил папа. – Если кто кого хочет разбить, то обязательно едет на «Волге». А у японских машин железо тонкое, хоть и хорошее.

– Потом я потерял билет на самолёт. Но мне поверили на честное слово, а на рыбу билет очень тщательно проверили, хорошо, что я его отдельно положил, в крышку от термоса. Потом самолёт чуть не захватили террористы. Но доблестные японские полицейские их всех обезвре-

дили напрочь. Потом, уже в полёте, оказалось, что злоумышленники отвинтили от самолёта какую-то запчасть, и мы чуть не упали в Тихий океан...

– Ничего себе, – побледнела мама. – И это ты называешь несуразицы... Если бы я знала, что Япония такая опасная страна...

– И что, самолёт упал в океан? – раскрыла глазёнки Стася. – И ты утонул?

– Нет, – сказал папа, – мы всем самолётом привинтили эту запчасть обратно. Я тоже, между прочим, помогал.

– Кричал «банзай»? – съязвила Саша.

– Я много чего кричал, – вздохнул папа. – И не всегда по-японски. Но главное, что рыба всё это пережила благополучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.